

домѣ!), — и все было напрасно: сквозь ажурныя фразы любимой книги, среди смѣха и шутокъ, и изъ-за лукавыхъ рѣчей юныхъ красавицъ выглядывалъ образъ больного, понуро стояла убогая кляча и издалека словно доносился этотъ рѣжущій ухо стонъ-крикъ плохо подмазанной оси—о—ой!..

А какъ хорошо было кататься въ лодкѣ по зеркальной поверхности огромнаго пруда! Какъ заодно смѣялись милыя дѣвичьи лица! У одной изъ нихъ расшпилились пышные волосы, и она, красиво вскинувъ нѣжныя руки, которыя обнажились до самыхъ плечей, оправляла прическу, лукаво поглядывая изъ-за гирлянды нагихъ, сверкающихъ бѣлизной, рукъ...

А близко ужъ къ вечеру, пріѣхала черноволосая и черноглазая гостія, которую ждали съ утра, но она опоздала и, появившись среди насъ, увлекла всю нашу кампанію въ лѣсъ—съ самоваромъ, яичницей и полевымъ кулецомъ.

— Поймите: онъ будетъ отдавать немножко дымкомъ, и мы будемъ ѣсть его прямо изъ котелка и деревянными ложками!—соблазняла она, заодно сверкая черными глазами, въ которыхъ дрожали искорки смѣха и чего-то еще, отъ чего сладко замирало въ груди и порывисто билось сердце...

Она была очень красива! Она была красавица! Ея чувственные, красныя губки были похожи на лепестки „ядовитаго цвѣтка“ (кто это выдумалъ? Д' Аннунціо, кажется...); ея стройное тѣло было гибко, какъ сталь; ея маленькія ножки, затянутыя въ шелковые чулки геліотропъ, кокетливо дразнили воображеніе; и когда я помогалъ ей сѣсть въ сѣдло, я почувствовалъ въ рукѣ ея стройную, теплую ножку, и на этотъ разъ я не сторонился и не убѣгалъ отъ нея, нѣтъ,—я искалъ ея чаръ; это было вино, къ которому сегодня жадно тянулись мои руки...

Она была немножко циникъ. Да! она исповѣдывала культъ наслажденія. Это была женщина „перваго трепета“. Она рвала розы во славу Астарты. Она и въ искусствѣ любила лишь то, что ее заставляло смѣяться...

— Это помогаетъ пищеваренію, и потомъ—это такъ полезно для селезенки!—поясняла она.—А это главное въ жизни...

Мнѣ она рисовалась всегда въ видѣ голой менады, въ вѣнчѣ изъ розъ, съ виноградными гроздьями въ рукахъ, пляшущей и взывающей: „Эвоэ, Ваххъ!“

И мнѣ бывало всегда мучительно-больно, когда съ этихъ прекрасныхъ устъ срывалась иногда вульгарная фраза:

— Я такъ люблю селедочку съ водочкой!

О, нѣтъ! Лучше ужъ—“Эвоэ, Ваххъ!“